

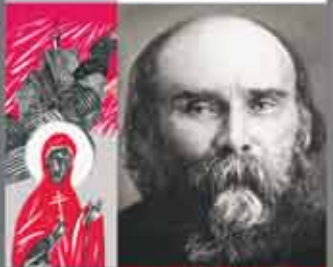
ЮРИЙ ТРИФОНОВ

Селен
Экзитум

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Сергей
Клюев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ГАРСИА МАРКЕС

Сергей
Маркес

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Александр
Махов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Валерий
Сергеев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВСЕЛЕННАЯ

ЖЗЛ

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Е. Евтушенко

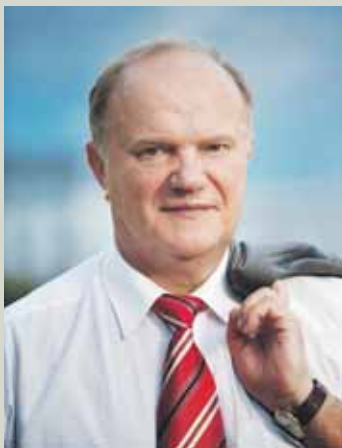
ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
СЕНТЯБРЬ 2014 № 2 (12)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ стр. 2

Председатель ЦК КПРФ,
автор «Молодой гвардии» Геннадий ЗЮГАНОВ:

«РЕДКИЙ МОЙ ВЕЧЕР
ОБХОДИТСЯ БЕЗ КНИГИ»

— Я в прямом смысле слова
рос среди книг. Во-первых, своих
книг в семье всегда было много.
Во-вторых, дом время от време-
ни оказывался просто завален-
ным книжками, которые отец
привозил из райцентра и, пре-
жде чем отнести в школу и раз-
дать ученикам, разбирал и со-
тировал в горнице.

НАШИ НОВИНКИ стр. 3

В. Муравьев
«КАРАМЗИН»

Е. Матонин
«НИКОЛА ТЕСЛА»

Г. Прашкевич
«БРЭДБЕРИ»

С. Рыбас
«ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН»

В. Козляков
«ЦАРИЦА ЕВДОКИЯ»

ГРАНИ БИОГРАФИЧЕ- СКОГО ЖАНРА стр. 4–5

Жанр биографии по-
прежнему на подъеме. Значи-
мых книг появляется всё больше:
возможно, настало время обо-
значить тенденции в развитии
жанра. Авторы серии «ЖЗЛ»
Олег Лекманов, Владимир Бе-
резин, Максим Чертанов, Анна
Сергеева-Клятис, Валерий Шу-
бинский и Ирина Лукьянова де-
лается своим опытом — расска-
зывают о том, как они встра-
ивались в уже существующую
традицию, как трактовали
трудные вопросы, какому типу
«портрета» — «разноцветному»
или «черно-белому» — отдавали
предпочтение.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ стр. 6

Генеральный директор ОАО
«Молодая гвардия» Валентин Фе-
дорович ЮРКИН, обращаясь к
высказываниям выдающихся мыс-
лителей XIII–XX веков, рассу-
ждает о феномене книги, кото-
рая предстает глобальным яв-
лением, охватывающим тыся-
челетия цивилизации, прони-
зывающим все информационно-
интеллектуальные связи и обеспе-
чивающим сохранение и постоян-
ное развитие совокупного разума
человечества.

Ричард де Бери, Франчес-
ко Петрарка, Мишель Мон-
тень, Джон Мильтон, Уильям
Хэзлитт, Ли Хант, Томас Кар-
лейль, Джон Рескин, Джон Леб-
бок — всех этих неординарных
личностей объединяла беззавет-
ная любовь к чтению.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ стр. 7

11 июня в пресс-центре
ИТАР-ТАСС состоялась презен-
тация книги «Геннадий Зюганов»,
вышедшей в серии «ЖЗЛ: Биография
продолжается...».

В новом — переработанном
и дополненном — издании кни-
ги отражены такие крупнейшие
события последних лет, как ми-
ровой финансово-экономический
кризис и государственный пере-
ворот на Украине, серьезно по-
вливающие на характер
общественно-политической ат-
мосферы в России.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ стр. 8

Мы предлагаем вашему вни-
манию план мероприятий на
стенде «Молодой гвардии» на
27-й ММКВЯ (3–7 сентября
2014 года).

Большой ценитель книги, хозяин внушительной личной библиотеки, завсегдатай крупных книжных выставок и, наконец, просто начитанный человек — всё это без всяких оговорок и преувеличений можно сказать о председателе ЦК КПРФ Геннадии Зюганове. О том, как родители прививали любовь к чтению, о русских классиках, современном литературном процессе и многом другом Геннадий Андреевич рассказывает в эксклюзивном интервью.

Геннадий ЗЮГАНОВ:

Геннадий Зюганов с писателем Валентином Распутиным на праздновании 90-летия издательства «Молодая гвардия» в Доме приемов МИДа России 11 октября 2012 года

«РЕДКИЙ МОЙ ВЕЧЕР ОБХОДИТСЯ БЕЗ КНИГИ»

— Геннадий Андреевич, что для Вас чтение в целом?

— Это пристрастие, возникшее в детстве и с годами переросшее в привычку, в естественную потребность. Сейчас редкий мой вечер обходится без книги, хотя на сон часто остаются считанные часы. Не без основания горжусь собранной за многие годы внушительной библиотекой, с удовольствием посещаю книжные выставки и ярмарки.

— Как сформировался у Вас интерес к чтению? Кто сыграл здесь наиболее заметную роль? И что читали у Вас дома?

— Мои родители — Андрей Михайлович и Марфа Петровна Зюгановы — были сельскими учителями. Они прожили поистине подвижническую жизнь. Их просветительские заботы не ограничивались стенами школы. К культуре, к чтению они приобщали всех односельчан.

Мой отец, преподававший в школе едва ли не все предметы, обладал очень широким кругозором. Каждый день он просматривал несколько газет, постоянно читал самые разные журналы — от специальных до литературных. Семья выписывала многие издания — и центральные, и все местные. Особенно любили «Комсомолку». Всегда под рукой были журналы «Крестьянка» и «Пчеловодство», ведь большое хозяйство, которое мы держали, включало в себя пашню.

Я в прямом смысле слова рос среди книг. Во-первых, своих книг в семье всегда было много. Во-вторых, дом время от времени оказывался завален книжками, которые отец привозил из райцентра. Прежде чем отнести их в школу и раздать ученикам, он разбирал и сортировал их в горнице. В такие дни я, еще толком не научившийся читать, забывал обо всем на свете и часами ползал на коленях среди пахнущих типографской краской стопок учебников и художественных изданий. Поначалу меня впечатляли, конечно, не тексты, а красочные обложки и иллюстрации. Рассматривая сказки Пушкина, я долго не мог оторваться от изображения огромной живой головы в шлеме, с внушительной бородой, и бесстрашно налетающего на нее всадника с копьем наперевес. После этого по слогам вникал в смысл увиденного. Позднее я был покори близостью и доступностью для деревенского мальчишки поэзии Некрасова. Его поэмы «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» так же, как и пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», я знал почти наизусть.

Полюбил я и былины, повествующие о славных подвигах Ильи Муромца, о необычайных приключениях новгородского гусельщика Садко. Уже в зрелом возрасте меня всегда очарывали удивительный музыкальный строй и

гармонирующая с русской душой поэтичность произведений народного творчества. Кстати, значительно позднее, увлекшись историей, я сделал для себя неожиданное открытие. Перечитывая «Слово о полку Игореве», я пришел к мысли, что этот выдающийся литературный памятник не нуждается в переводах с древнерусского на современный язык. Любая из его поздних литературных версий выглядит значительно беднее оригинала. Это же чувство не покидало меня, когда я перечитывал «Повесть временных лет» или другое древнерусское произведение — «Слово о погибели Русской земли».

— Считается, что основой воспитания человека через книгу является классическая литература. Согласны ли Вы с этим? Какие произведения русской классики Вы особенно любите?

— Во-первых, хотел бы отметить творчество тех, кто черпал вдохновение на родной мне Орловщине. Здесь жили и работали И. С. Тургенев, А. А. Фет, Н. С. Лесков, Л. Н. Андреев, М. М. Пришвин, П. Л. Проскурин... Все они составили гордость отечественной литературы. Специалистам хорошо известно, что орловско-курский диалект, отличающийся своеобразием и неповторимым колоритом, образовал целый пласт русского литературного языка. Не случайно в среде отечественной интеллигенции Орел называли третьей литературной столицей России. В свое время для меня стало честью участвовать в реставрации Спасского-Лутовинова — имения семьи Тургеневых, которое сгорело еще в начале XX века.

Что же касается любимых писателей, то среди многих не могу не назвать Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Ивана Бунина, Сергея Есенина, Михаила Пришвина, Александра Фадеева, Михаила Шолохова, Александра Твардовского, Юрия Бондарева, Леонида Леонова, Валентина Распутина, Владимира Личутина...

— Знаю, что Вы постоянный читатель «Литературной газеты». Насколько интересен Вам современный литературный процесс?

— Я всегда интересовался новинками, авторами самых разных литературных жанров и направлений. Сегодня есть немало талантливых авторов, которым, к сожалению, очень непросто пробить путь к массовому читателю. Кому-то это всё же удастся, как, например, Захару Прилепину и Сергею Шаргунову, но большинство — нет.

— Интерес к чтению, безусловно, падает. Каким Вам видится будущее чтения в России и мире? Не убивает ли Интернет интерес к живой книге?

— Я бы не сказал, что падает интерес именно к чтению. По моим наблюдениям, люди читают довольно много. А вот для печатного слова времена настали не самые простые, потому что приходится конкурировать с новыми информационными технологиями. Признаться, и у меня на рабочем столе с некоторых пор пропал планшет. Но хотя книга и может жить в электронном варианте, я убежден, что печатные книги не уйдут в прошлое.

Главная беда в том, что именно читают люди. За последние десятилетия нашу страну захлестнула волна низкопробной литературы. Художественные произведения, в которых главными героями оказались менты, братки и мошенники, играют исключительно деструктивную роль. Одновременно полки магазинов завалили макулатурой, цель которой — сфальсифицировать историю нашей страны. Тиражи этих поделок — миллионные! А приводят они к тому, что люди теряют чувство Родины и гордость за своих предков.

Уверен: точку невозврата мы не прошли. Всё можно исправить. Но интерес к чтению и вкус к хорошей литературе должен прививаться с детства, со школьной скамьи. А это уже зона ответственности государства. Если оно собирается оказывать образовательные услуги, то будущее наше незавидно. Если же опираться на принципы программы КПРФ «Образование — для всех», то уверяю Вас, интерес к чтению не только сохранится, но и вырастет.

— Есть ли в Вашей личной библиотеке книги серии «ЖЗЛ»? Если да, назовите любимые.

— Конечно, книг из серии «ЖЗЛ» у меня много. С каждой книжной ярмарки я возвращаюсь с новинками из этой серии. Что касается любимых... Пожалуй, больше всего меня трогают судьбы людей творческих, людей, сыгравших огромную роль в развитии нашей страны.

— Насколько интересны Вам биографии политиков, государственных деятелей? Что для Вас наиболее ценно в их жизнеописаниях?

— С биографиями политиков знакомиться не только интересно, но и полезно — это опыт. А самое ценное, на мой взгляд, то, как людям, облеченным ответственностью за судьбу государства, приходилось принимать сложные решения. Не все из них в итоге оказывались верными, однако любой опыт предшественников нас обогащает. Кроме того, действия людей в критических ситуациях позволяют лучше увидеть их мотивы и понять их суть.

— Автор Вашей биографии — Анатолий Житнухин. В предисловии к недавно вышедшему второму изданию книги он пишет, что за прошедшие

семь лет в Вашей жизненной позиции ничего кардинально не изменилось. Насколько Вы готовы с ним согласиться?

— Анатолий Петрович прав. Но это касается не только меня, а всей нашей партии, которая вопреки всем испытаниям сохраняет верность своим взглядам и принципам. На этом фоне чехарда «партий власти» и мельтешение псевдопартеек смотрится особенно неприглядно. Сколько их было? И в скольких из них перебивали иные политики? А коммунисты, как и прежде, стоят за социальную справедливость, идеалы добра, мира и дружбы народов. Разве можно это на что-то променять?

— В биографии можно найти такой любопытный факт: Ваша кандидатская диссертация была связана с развитием Орла. Речь в ней шла о непрерывном городском строительстве. В результате даже появился такой термин, как «Орловская непрерывка».

— В годы работы в Орловском горкоме партии мне и моим соратникам удалось совершить настоящий прорыв в одной из наиболее болезненных и жизненно важных областей — жилищном строительстве. В генеральном плане развития Орла мы видели воплощение мечты о городе будущего! В то же время мы задались вовсе не отвлеченной, а вполне насущной целью — создать для земляков красивый современный город с достойными условиями жизни. Глубина проработки проблем затрагивала такие вопросы, как пути и пределы урбанизации, оптимальная численность населения областного центра, позволяющая выстроить надежную и эффективную инфраструктуру городского хозяйства.

Эти замыслы меня тогда полностью захватили. У меня дома и сейчас красуется панорама Орла в том виде, как его задумывали авторы проекта. Речь идет о попытке построить городсад, максимально развернуть его к рекам и создать современный центр образования и культуры. Многие из намеченного удалось воплотить в жизнь. Комплексная застройка городских массивов осуществлялась поточным методом на основе последовательного, непрерывного планирования, проектирования и финансирования строящихся объектов. Возводились целые микрорайоны с развитой коммунальной и социальной инфраструктурой, включавшей в себя школы и дошкольные учреждения, объекты медицинского и бытового обслуживания, культуры и спорта. За несколько лет был не только сформирован новый, современный облик города, но и заложена мощная основа, разработаны перспективы развития на многие годы вперед.

Орел — это любовь на всю жизнь. А особая гордость — орден, полученный за строительство родного города. С тех же лет — и моя увлеченность градостроением. Во время зарубежных командировок не упускаю случая, чтобы поинтересоваться, в каком направлении развивается современная архитектура, социальный облик городов, их инфраструктура. Мне прекрасно известна история возникновения многих крупнейших мировых центров, и я стараюсь не пропускать проходящие в Москве фестивали зодчества.

— В «Молодой гвардии» вышло немало Ваших книг — таких как «Глобализация и судьбы человечества» (2002), «Верность» (2003), «Сталин и современность» (2008), «На переломе» (2009), «Перед рассветом» (2010) и «Пока не поздно...» (2013, 2014). Какую из них Вы сами считаете наиболее удачной, не теряющей своей актуальности?

— Не думаю, что какая-то из этих работ оказалась сиюминутной. «Глобализация...», родившаяся больше десятилетия назад, сохраняет свою актуальность полностью. Это понимаешь сразу, как только взглядынешь в политическую картину современного мира. В нем до предела обострились империалистические противоречия. Военные конфликты докатились уже до наших границ. Фактически эта книга содержит ключ к понимаю сути происходящих в мире процессов.

Это же справедливо и в отношении других работ. Так, наследие Сталина сегодня более чем актуально. Почему? Да потому, что без модернизации страны, без новой индустриализации нам с вами и нашим детям не на что рассчитывать в будущем.

Ну а последние упомянутые Вами книги аккумулируют тот опыт, что нарабатан за двадцать лет. По сути, они содержат развернутую программу действий нашей партии с необходимым аналитическим обоснованием.

Сергей Коростелев

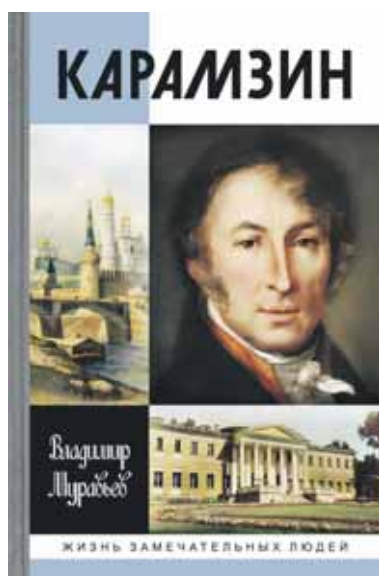

Один из старейших авторов «ЖЗЛ» Владимир Брониславович Муравьев (его предыдущая книга — «Пестель» — вышла в далеком 1968 году) написал биографию Николая Карамзина. Евгений Витальевич Матонин — автор жизнеописания Иосифа Броз Тито — рассказывает о загадочной фигуре Николы Теслы, а Геннадий Мартович Прашкевич — вслед за судьбой братьев Стругацких и Жюль Верна — повествует о жизни и творчестве относительно

недавно скончавшегося фантаста Рея Брэдбери. Наконец, мэтры серии «ЖЗЛ» Святослав Юрьевич Рыбас и Вячеслав Николаевич Козляков написали биографии Василия Шульгина и царицы Евдокии.

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

ВО БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

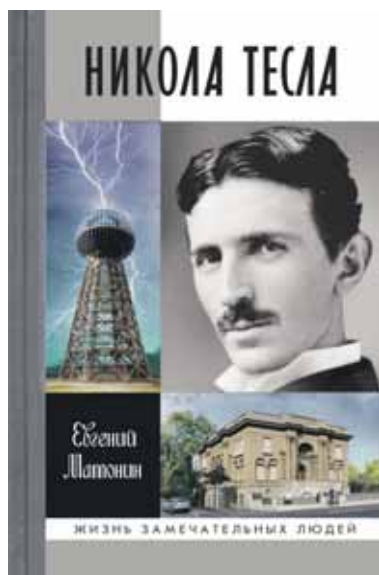

Владимир Муравьев. «Карамзин»

Николай Михайлович Карамзин (1776—1826) — великий российский историк и писатель, реформатор оте-

чественной словесности. Создатель бессмертной повести «Бедная Лиза», он не только положил начало новому направлению — сентиментализму, но и определил дальнейшие пути развития отечественной литературы. Однако главным трудом всей его жизни по праву считается двенадцатитомная «История государства Российского» — подвижническая работа, в которой автор впервые во всей полноте раскрыл перед читателями масштабную картину нашего прошлого. Владимир Муравьев, под редакцией и с сопроводительным аппаратом которого в различных издательствах выходили сборники и отдельные произведения Карамзина, не только глубоко исследовал литературные и исторические труды дворцового историографа, но и показал удивительную современность многих замечаний и выводов Карамзина. Безусловным достоинством книги является то, что автору удалось воссоздать живой облик героя — внимательного сына, любящего мужа, заботливого отца, Человека с большой буквы, до конца жизни преданного своему отечеству.

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ

Евгений Матонин.
«Никола Тесла»

Он признан великим изобретателем и одним из основоположников современной электротехники, но вряд ли только эти заслуги смогли породить

столь огромный интерес и к его работам, и к его личности. Он зарабатывал миллионы, но умер в нищете, запатентовал более 800 изобретений, но его считали «крупнейшим шарлатаном» и «гениальным безумцем». Он стоял у истоков изобретения радио и открытия рентгеновских лучей, но и сегодня его подозревают в связях с потусторонним миром, называют «посланцем иных цивилизаций» и приписывают ему небывалые способности — от умения читать мысли до вампиризма. «Загадка Тунгусского метеорита», всепокрушающие «лучи смерти», климатическое оружие... Есть ли в этих легендах хотя бы доля истины? И кем на самом деле был человек по имени Никола Тесла (1856—1943), который прожил такую яркую и эксцентричную жизнь, что она вполне могла бы стать сюжетом не для одного захватывающего романа? В книге, основанной на документальных материалах и свидетельствах современников, scrupulously восстанавливается реальная биография самого загадочного ученого в мировой истории, приводятся неизвестные до недавнего времени факты его жизни и анализируются его настоящие и мифические открытия.

ДОРОГОЙ ДОБРА

Геннадий Прашкевич. «Брэдбери»

«Фантасты не предсказывают будущее, они его предотвращают». Эти

слова принадлежат большому писателю Рею Дугласу Брэдбери (1920—2012), который всю свою жизнь, создавая светлые или страшные фантастические миры, словно поводья вел человека стезей Добра, освещал ему дорогу Любовью, постоянно предупреждал об опасностях и тупиках на этом нелегком пути.

«Марсианские хроники», «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», «И грянул гром», «Всё лето в один день», «Завтра конец света» — повести и рассказы американского фантаста знают во всем мире, они переведены на многие языки и неоднократно экранизированы, но по-прежнему вызывают интерес, остаются актуальными, потому что в них есть жизнь, и во многом — это жизнь самого Брэдбери.

Путешествуя по фантастическим мирам своего героя, Геннадий Прашкевич собрал прекрасную коллекцию ценнейших материалов для написания биографии, которая, несомненно, заинтересует читателя.

СУДЬБА РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА

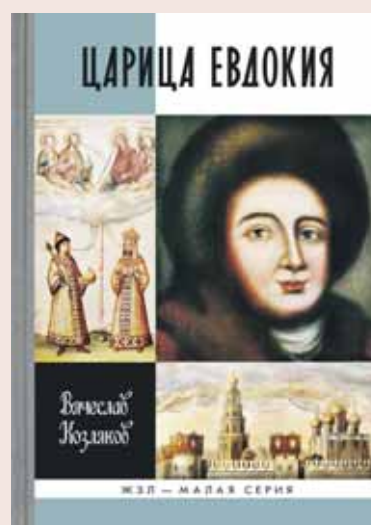

Святослав Рыбас.
«Василий Шульгин»

Василий Витальевич Шульгин (1878—1976) вошел в историю как фигура крайне противоречивая. И вместе с тем это был типичный представитель русской имперской элиты начала XX века. Будучи убежденным монархистом

и националистом, он принял активное участие в попытках либерализации государственного управления, которые закончились заговором против царя и крушением империи. Шульгин принял отречение от престола Николая II, входил в группу руководителей Февральской революции, участвовал в организации белогвардейского сопротивления Октябрьской революции, был членом правительства генералов Деникина и Врангеля, создал разветвленную разведывательную организацию, руководил редакциями газет, был ярким публицистом и писателем. Автор множества книг, таких как «Дни», «1920 год», «Три столицы», «Что нам в них не нравится». Об антисемитизме в России. В декабре 1944 года был арестован в Югославии армейской контрразведкой Смерш, осужден на 25 лет заключения за антисоветскую деятельность. После амнистии в 1956 году занимался литературой, стал героем знаменитого фильма «Перед судом истории», консультировал ученых, деятелей культуры, писателей. Святослав Рыбас рассматривает жизненный путь Шульгина на фоне кризисных явлений русского исторического процесса, что делает эту книгу завершающей в ряду его работ — «Столыпин», «Генерал Кутепов», «Сталин» и «Громыко».

ПЛАЧ ПО МОСКОВСКОМУ ЦАРСТВУ

Вячеслав Козляков.
«Царица Евдокия»

Последняя московская царица, отвергнутая жена Петра I, монахиня

Елена, заточенная сначала в Суздальском Покровском монастыре, а затем в бастионе Шлиссельбургской крепости, и, наконец, «государыня бабушка», считавшаяся важной и влиятельной персоной во время короткого царствования ее внука, императора Петра II, — всё это разные стороны биографии царицы инокини Евдокии Федоровны Лопухиной (1669—1731). Но судьба этой несчастной женщины интересна не только сама по себе. В ней, как в искривленном зеркале, отразилась вся Петровская эпоха — несомненно, величественная и грандиозная в своих свершениях, но страшная для тех, кому довелось оказаться рядом с «царем-реформатором». Одна из главных жертв петровского царствования, царица Евдокия является «неудобной» фигурой для апологетов Петра. Давний автор серии «ЖЗЛ», доктор исторических наук Вячеслав Козляков поднимает вопросы о цене грандиозных реформ и необходимости столь решительного разрыва с традициями и наследием Московского царства.

О ХОЛОДНОМ ТОНЕ, КАЗЕННЫХ

Жанр биографии по-прежнему на подъеме. Значимых книг появляется все больше: возможно, настало время обозначить тенденции в развитии жанра. Авторы серии «ЖЗЛ» Олег Лекманов, Владимир Березин, Максим Чертанов, Анна Сергеева-Клятис, Валерий Шубинский и Ирина Лукьянова делятся своим опытом — рассказывают о том, как они встраивались в уже существующую традицию, как трактовали трудные вопросы, какому типу «портрета» — «разноцветному» или «черно-белому» — отдавали предпочтение.

ОЛЕГ ЛЕКМАНОВ

«Осип Манделштам» (2004, 2009)

Я думаю, что единого рецепта написания биографии нет и быть не может. Есть биографическая книга Михаила Булгакова о Мольере, и есть биография самого Булгакова работы Мариэтты Чудаковой — это два совсем не похожих друг на друга текста, но оба они в своем роде образцовые. То же можно сказать о биографиях Бориса Пастернака, написанных Дмитрием Быковым, Лазарем Флейшманом и Евгением Борисовичем Пастернаком.

Поэтому буду говорить только о собственном опыте, (почти) не претендуя на какие бы то ни было обобщения.

Итак...

Первое правило, которого я придерживался, когда писал биографию Манделштама, — не брать на себя роль напыщенного адвоката или прокурора своего героя, пытаюсь любой ценой оправдать или осудить его поступки. Манделштам был очень крупным, обаятельным и неординарным человеком, он сам, без моей помощи способен «объясниться» с потомками. Моя же задача состояла прежде всего в том, чтобы грамотно и интересно скомпоновать материал. Я всегда смотрел на своего героя снизу вверх, не стремясь с ним соревноваться и помня, что он — Поэт, а я всего лишь (почти технический) посредник между ним и читателями.

Отсюда второе, святое для меня правило: сознательная отстраненность от своего героя и даже подчеркнутая холодноватость моего авторского тона. Более того, чем драматичнее и трагичнее становились описываемые события, тем бесстрашнее я старался о них говорить. «Осип в последний раз посмотрел на Надю...» — Я в страшном сне не могу вообразить, что когда-нибудь набью на клавишах ноутбук что-нибудь подобное! Разве что с ума сойду. Вот за эту холодность тона мою биографию Манделштама иногда ругали темпераментные читатели, но нашлись и те, кто такую отстраненность оценил высоко, в частности покойный Михаил Леонидович Гаспаров (чем я, конечно, горжусь).

Третье правило, которым я руководствуюсь, работая над биографией: суждение любого современника если не свято, то уж, во всяком случае, много весит. Кроме того, автор биографии обязан вручить своему современнику (чаще всего — утерянные) ключи к пониманию реалий и обстоятельств времени, о котором он пишет. Это не значит, конечно, что все свидетельские показания равнозначны, но все они должны быть учтены и по возможности приведены в биографической книге. Так мы опять-таки уберігаемся от прокурорских или адвокат-

ских функций, да очень часто и невозможно установить, как все было на самом деле. Попробуйте проделать простой эксперимент: порасспросите через неделю, например, после празднования своего дня рождения своих же друзей — что они расскажут об этом славном событии? Ручаюсь, рассказы совпадут максимум процентов на 30, и это только при сухом описании событий. А уж если интерпретировать начнут...

И всё же, и всё же: каждый, кто берется за написание филологической работы, а уж за составление биографии тем более, в какой-то мере держит экзамен на Шерлока Холмса или лорда Питера, на худой конец. В его задачу входит сопоставить разнородные факты и концептуализировать их, обнаружить и продемонстрировать читателю внутреннюю связь во внешне немотивированных, хаотических «трудах и днях» своего героя. Важно только (и это четвертое правило) не шулерствовать, не подтасовывать события в угоду собственной концепции. И тогда вы, наверное, сможете открыто и прямо посмотреть в глаза любому, пусть и самому недоброжелательному рецензенту.

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

«Поляков» (2007, 2008),
«Виктор Шкловский» (2014)

Биографический жанр — один из немногих, в котором часто присутствует заказчик.

Я бы вообще разделил биографии на казенные и проросшие самостоятельно.

Это ровно ничего не говорит о качестве текста. Может возникнуть прекрасная книга на деньги безликой государственной структуры, и, наоборот, поклонник знаменитости вдруг окажется творцом глуповатого текста: его восторг был внутренним, не передающимся через книжные страницы. Часто и язык такой книги внутренний, рассчитанный на сектантов-любителей.

В обоих случаях есть свои опасности.

Что касается «народной биографии», то ее главная беда только что обозначена, а вот казенная биография, очевидно, страдает оплаченным подобострастием.

Речь не об отъявленных халтурщиках (их разбирать неинтересно, они, как говорил Ильф, даже пишут одним почерком). Речь идет о честном человеке, рассказывающем чужую историю, у которого включается внутренний цензор. Как описать странную ситуацию, неоднозначный выбор своего героя, а то и вообще гадкий поступок — ведь обидится заказчик.

Или расстроятся ветераны: как так командир напился и наломал дров?! Наломать-то он наломал, они помнят сами, но испытывают от этого напоминания чувство обиды.

Ровно то же самое может случиться и при общении с родственниками.

Автор биографии умершего двести лет назад персонажа тоже не свободен от этого давления.

Оно исходит от потомков, а то и просто земляков героя.

Или есть давление, связанное с национальностью.

Есть закономерное желание в рамках всякого патриотизма считать гениев родными по крови, а негодяев — людьми особой, невесть откуда взявшейся расы.

Я бы, к примеру, написал честную, без прикрас, биографию Лазаря Кагановича. С детством в деревне, с «шахтинским делом», с расстрельными списками, с паровозами и всем остальным. Но — важная оговорка — мне интересна не публицистика, а литература, то есть история и мотивы такого героя. Не оправдание или обвинение, а художественный анализ.

Об особом интересе к еврейству и говорить не приходится — как известно, пророка Самуила, от лица которого вещал Остап Бендер, сразу же после насущного вопроса о подорожании животного масла спрашивали: «Еврей ли вы?»

Можно представить прекрасную книгу о почтальонах, сделанную на деньги Департамента почт, и легко — скучную книгу о полярниках, написанную по зову сердца.

Меня спрашивают: «Нужно ли стремиться к “разноцветному” портрету или важнее сделать его четким, черно-белым?» — и я ощущаю, что это вопрос с двойным дном.

Интуитивно хочется сказать, что цветное всегда лучше черно-белого, так говорят люди вроде меня, смотревшие в детстве черно-белые телевизоры, но потом дорвавшиеся до цветных. Но что лучше: гравюра Дюрера или цветной постер? Не все так просто — причем биографа и тут будут дергать за руки.

Один французский историк сказал, что он отдал бы все декреты Конвента за одну приходно-расходную книгу парижской домохозяйки. Имелось в виду то, что официальные документы известны по энциклопедиям, а мелкая моторика чужой жизни известна мало. А ведь именно она определяет поведение человека, даже его нравственные выборы.

Общественный интерес смещается к быту — как ели, как грелись, что было подложкой того героического или творческого, что было с людьми прежних времен.

Я и сам хорошо помню быт советского времени, и он был таким компонентом биографий, что игнорировать его невозможно.

Сами биографии как тип повествования, я считаю, будут только множиться.

МАКСИМ ЧЕРТАНОВ

«Конан Дойл» (2008),
«Герберт Уэллс» (2010),
«Хемингуэй» (2010),
«Марк Твен» (2012),
«Дарвин» (2013), «Дюма» (2014)

Любая биография начинается с происхождения героя; тут, на мой взгляд, не должно быть никаких умолчаний и «смягчений». Ха-

актер человека во многом определяется генами и воспитанием, которое он получил в раннем детстве. Иногда он определяется «наоборот»: так, один из моих персонажей, Конан Дойл, был сыном алкоголика и именно поэтому не брал в рот ни капли спиртного. Вдвойне интересно, когда родители (или деды) героя сами были выдающимися людьми: тут можно проследить, что от кого он унаследовал.

Разумеется, без упоминания национальности персонажа тоже никак не обойдешься, и она важна, так как каждый народ (я так считаю) имеет свой особый менталитет; он накладывает отпечаток на характер героя. Мне приходилось писать об англичанах, американцах, французах — и у всех этот отпечаток был очень явным. Сейчас я пишу об Эйнштейне, и тут уж никак без подробного разбора «еврейского вопроса» не обойтись. Во-первых, грубый антисемитизм, с которым он неожиданно и резко столкнулся в раннем детстве, по моему мнению, частично сформировал его характер, сделал из тихого мальчика упрямую, резкую «колючку». Во-вторых, для него «еврейский вопрос» был важен ничуть не меньше, чем физика. Он очень остро осознавал свою чуждость для людей, среди которых жил. Он был открытым сионистом, написал на эту тему массу статей, он называл евреев «инопланетянами», он резко протестовал против попыток ассимиляции (хотя это не мешало ему дружить с абсолютно ассимилированными евреями); он даже осуждал браки с «гойями». Он сыграл некоторую роль в создании Государства Израиль, а потом, несмотря на свои миролюбивые устремления, участвовал в сборе денег для покупки оружия «Хагане». Поскольку ни в одной книге о нем, вышедшей на русском языке, «Эйнштейн-еврей» практически не освещается, необходимо заполнить эту лакуну. Так что в моей книге будет очень много «про евреев», и в самом начале я даже прошу — нет, умоляю — читателя попытаться представить себя евреем (и мне пришлось проделать над собой ту же работу), иначе многие поступки и мотивы Эйнштейна будут трудно понять — например, его отношение к СССР и Сталину. Я не скрываю некоторых исторических фактов, неприятных для евреев, и не исключаю того, что кому-нибудь моя книжка может показаться антисемитской, хотя самый умеренный антисемит (и, боюсь, «обычный» средний человек) тоже, разумеется, сочтет ее «проеврейской».

Что касается подробностей личной жизни героев, их поступков, подчас неприглядных (и у Эйнштейна такие были), мое убеждение: надо писать правду. Всё равно все эти подробности давно коцуют в ужасном виде по «желтой прессе», так лучше написать о них не абы как, а серьезно, анализируя, пытаюсь понять причины. О том же Эйнштейне написана масса мерзких глупых гадостей, и если на 90% они вызваны антисемитизмом, то на остальные 10% — теми слащавыми «житиями святого», которых было много в советское время. (То были хорошие книги. Но — приглаженные.) Но бороться с этими мерзостями нужно не умолчанием, а внятными разъяснениями.

Что касается биографического жанра вообще: по-моему, он сейчас хорошо развивается и неплохо востребован. Биографии выходят очень разные по типу, и это хорошо: займут разные читательские ниши. Лично я, например, не выношу беллетризованных биографий («NN подошел к окну, прижавшись горячим лбом к холодному стеклу, потом отбросил недокуренную сигару и сказал: “Не послушайте, дорогая...”»), не люблю также биографий, превращающихся в субъективное авторское эссе, — но это мое личное мнение, а многим читателям такое нравится, и я не нахожу в этом ничего плохого. Не люблю, когда автор во всем оправдывает героя — но это тоже мое частное мнение. Быковских «Пастернака» и «Окуджаву» я считаю шедеврами, хотя по содержанию почти ни в чем с автором не соглашаюсь. Мой идеал — биографии сухие, ясные и строгие, как, например, «Колчак» П. Н. Зырянова.

В общем, биографический жанр живет. Только, к сожалению, немножко на обочине. Серьезные литературные конкурсы, как

СКАЗКАХ И РОЛИ КОНТЕКСТА

правило, нас отвергают — для них мы «ни то ни се»; для конкурсов научной литературы — тоже. Попасты в шорт-листы биографическим работам удается лишь изредка — из почтения к знаменитому автору или по чьей-то уж очень доброй воле. На Западе авторы биографических книг с легкостью получают гранты на исследовательскую работу (потому что она необходима и объем ее огромен), у нас же автору, если он не является человеком обеспеченным, приходится всячески выкручиваться и изворачиваться. И тем не менее масса людей пишет и будет писать биографии, хорошие и разные, и это прекрасно.

АННА СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС

«Батюшков» (2012)

Анализируя развитие биографического жанра, могу сказать, что простая хронологическая последовательность событий, предъявляющая читателю человеческую жизнь как карту с отмеченным маршрутом, совершенно потеряла свою значимость. Так писали биографии в XIX столетии, не захваченном тектоническими потрясениями, когда каменные глыбы истории только еще давали незаметные глазу трещины. Так была написана академиком Л. Н. Майковым знаменитая и едва ли не лучшая до сего дня биография К. Н. Батюшкова, так писал о Пушкине его первый биограф П. В. Анненков, так выстраивал свои исторические биографии Н. Г. Шильдер. Конечно, хронологический метод не отменял и тогда аналитического подхода к событиям, масштабных обобщений, разнообразных боковых ходов, однако все же это была биография в самом классическом понимании — жизнеописание. В этом же состояла ее сверхзадача.

XX век сразу решил дело по-другому. В многослойных построениях В. В. Вересаева, в блистательном изложении В. Ф. Ходасевича, в художественно осмысленных историях Ю. Н. Тынянова, в строго научных и вместе с тем почти художественных биографиях от Ю. М. Лотмана до Н. Я. Эйдельмана есть то, что к сегодняшнему дню стало главной и сущностной чертой жанра, — концепция.

Современному читателю биография, не содержащая концепции, просто неинтересна. Плохо, если факты биографии подверстываются автором под уже готовую схему и, как в прокрустово ложе, втискиваются насильно в жесткую и не подходящую для материала форму. Хорошо, если концепция органично вытекает из событий биографии и жизненных предпочтений героя, давая осмысление каждому следующему эпизоду. Детальность изложения, сквозной принцип, который обязывает биографа отметить все известные ему события, не упустив ни одного, обстоятельность описаний быта и времени, новые — архивные или мемуарные — извлечения, проливающие свет на темные места, в конце концов, точность и непогрешимость против истины — все это оказывается необязательным. Каждый из этих принципов применяется или, наоборот, отвергается автором в зависимости от заявленной концепции. Каков результат? Он может быть абсолютно разным и связан с двумя главными составляющими: добросовестностью и талантом биографа.

Возможна ситуация, в которой концепция настолько захватывает биографа, что от собственно объективной реальности не остается и следа — она перевоплощается в реальность вполне субъективного свойства. Так отчасти произошло в известной книге Дмитрия Быкова о Борисе Пастернаке.

Решая проблему ответственности перед прошлым и долга перед будущим, я добровольно возложила на себя несколько непереносимых ограничений: во-первых, концепция должна была органически вытекать из фактов биографии моих героев, поэтому заранее я не планировала, как будет написана книга. Само жизнеописание подсказывало ее идею, отчасти и композиционное решение, и структуру.

Во-вторых, я хотела ограничить повествование жесткими рамками, которые не позволяли включать в него расширяющий материал по истории культуры и эпохи, чтобы биография оставалась все же биографией и в центре ее стояла личность. К слову, совсем отрешиться от исторического и культурного контекста мне не удалось. В книге о Батюшкове переломным, важнейшим пунктом, во многом сломившим поэта и кардинально изменившим его взгляд на жизнь, стала Отечественная война 1812–1814 годов.

В-третьих, главным содержанием книги всякий раз становился фактический материал — прежде всего свидетельства самого героя, автобиографии, эпистолярные источники, зафиксированные высказывания о себе, затем — мемуарные свидетельства, воспоминания современников, отзывы литературных критиков, отражение событий биографии в журналистике. Таким образом, каждый эпизод биографии выстраивался по концентрическому принципу, если такая возможность предоставлялась фоном эпохи.

В-четвертых, я не стремилась обходить острые углы, которые имеются в каждой биографии, но также не хотела превращать их в краугольные камни повествования.

В-пятых, стремясь к достоверности изложения и возможному приближению к истине, я всегда сознательно выставляю препоны против восприятия собственных книг как художественных. В противовес такому подходу называю этот тип биографии «научным». На научность работают многочисленные ссылки на источники, которые добросовестные издатели скрепя сердце все же оставляют в книге, именной указатель, справочный аппарат.

Однако (и это ограничение можно считать шестым) стилистику книги я столь же сознательно старалась сделать приемлемой не только для своих коллег, специалистов по литературе, но и для возможно более широкого читателя, хотя это сочетание слов сегодня — уже оксюморон.

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

«Ломоносов» (2010),
«Владислав Ходасевич» (2012),
«Гапон» (2014)

Я стараюсь писать книги, которые сам, как читатель, хотел бы прочесть. Мне кажется, это у всех так. Исходя из этого, я сформулировал для себя девять профессиональных принципов.

Например, мне неинтересно читать тысячстраничные эссе по поводу биографии писателя. Мне неинтересна прямая исповедь биографа. Я хочу слышать разные голоса: героя книги, его друзей и врагов. Мне интересен язык эпохи. Отсюда первое правило: биограф должен уметь скрываться за спиной героя.

Во-вторых, мне неинтересны биографии апологетические. Биограф не должен всегда быть на стороне своего героя и стараться возвысить его за счет современников. Но нельзя писать и о тех, кого ты не в состоянии полюбить хотя бы как художественный объект.

В-третьих, биография невозможна без контекста. Можно разворачивать правильное полотно эпохи, можно просто идти за ассоциациями. В моей первой книге я слишком этими ассоциациями увлекся, экскурсы «в сторону» несколько утяжелили текст. Но без них опять-таки неинтересно. Кроме самого героя, надо любить плоть окружающей его жизни. У каждой жизни есть шлейф окружающих ее знакомств и обстоятельств. Необыкновенно любопытно наблюдать, как пересекаются эти шлейфы. Например, отец Хармса¹ оказывается знаком с Гапоном. Каждый пласт человеческой жизни и человеческой цивилизации, так или иначе, затрагивает любую отдельную человеческую судьбу. Если говорить, например, о еврействе и о героях моих книг, то понятно, как звучит эта тема в контексте биографии Ходасевича (внук Якова Брафмана, переводчик еврейской поэзии), или Гапона (спасенного, а затем убитого Пинхасом Рутенбергом), или Хармса (серьезно интересовавшегося еврейской мистикой).

В-четвертых, биограф не должен судить героя по законам своего времени и своего круга. Для меня это было особенно очевидно при работе над биографией Ломоносова.

В-пятых, нельзя заниматься прямой самопроекцией. Невозможно механически перенести себя, каков ты есть в 2014 году, даже в обстоятельствах года 1964-го. Механизмы самоотжествления, самозащиты, самопрезентации — совершенно иные. Тот, кто сказал, что «в России ничего не меняется», — невежественный лгун. Тот, кто сказал, что «люди всегда одинаковы», — лгун еще больший. Мы из-за того и бьемся, чтобы понять, чем люди другой эпохи отличались от нас.

В-шестых, важны все стороны жизни героя, а не только его профессиональная работа. Мне приходилось писать в основном о писателях. За биографию Георгия Гапона я взялся именно потому, что мне интересно было описать жизнь человека не пишущего, а действующего. Но надо отдавать себе отчет, что и писатели — существа из плоти и крови. Одновременно со мной над некоторыми из биографий работали специалисты-литературоведы, содержание литературных архивов знавшие не в пример лучше меня. А вот сходить в архивы общегражданские и поискать там, скажем, школьные таблицы героя им в голову не приходило.

В-седьмых, завет историка чего бы то ни было: мы имеем дело не с фактом, а с документом. Свои предположения и реконструкции следует отделять от чужих свидетельств, о достоверности которых мы в каждом случае можем лишь гадать. Я для себя решил вопрос так: если мне захочется что-то реконструировать, я сделаю это в отдельной (беллетристической) книге. После биографии Ломоносова я написал книгу исторических рассказов «Ученые братья». Сейчас я пишу книгу такого же жанра, главный герой которой — Гумилев.

Восьмое и, может быть, самое важное: в каждой биографии есть главный сквозной сюжет. Судьба Ходасевича — постоянная тяжба художника и человека, то демоническое презрение к «невинному и простому», то жалость, то зависть к нему, то тщетное желание стать таким же, как окружающие... Но этот сюжетный каркас должен выпирать. Внимательный читатель должен почувствовать его сам.

И последнее, девятое: когда выйдет оче-

редная книга, ты, листая ее, обнаружишь там кучу ошибок и недосмотров, не говоря уже о стилистических недостатках. Еще сколько-то найдут рецензенты. Не кидайся в пролет, не пей яду. Не в первый раз, не в последний. Поэтому пиши такие книги, чтобы их переиздавали. Тогда от переиздания к переизданию можно исправлять недостатки, постепенно приближаясь к совершенству.

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

«Корней Чуковский» (2006, 2007)

Если допустить, что безупречные люди бывают, — то и тогда, наверное, было бы трудно написать биографию идеального человека. Но обычно биограф имеет дело с живым героем, который поступает то глупо, то легкомысленно, то жестоко, то подло. То, наоборот, героически и возвышенно. А еще биограф имеет дело с самыми разными читателями — в том числе такими, которые требуют однозначных моральных оценок — или выносят их сами.

Пушкин был бабник, Лермонтов манипулятор, Блок был отвратительный муж, Толстой мучил жену, Цветаева замучила дочь, Пастернак запутался в женщинах, Ахматова — в мужчинах — и эти люди делали великую русскую литературу? И эти люди запрещают намковырять в носу? — негодует читатель. «Не буду читать эти ваши биографии, не хочу разочаровываться», — сказала одна читательница. — Когда помотришь на этих великих людей поближе, хочется брезгливо захлопнуть книгу и ничего этого не знать».

Что биографу делать со всем этим — с дурным характером, запутанными семейными отношениями, интимными подробностями? Когда я писала про Чуковского, дорогу показывал сам Чуковский. Рассказывая о литераторах прошлого — Некрасове, Шевченко, Николае Успенском, он интуитивно нащупал верный тон: каждый его герой по-человечески сложен, и сложно авторское отношение к герою. Любовь сквозь сожаление, сострадание, негодование; любовь сквозь иронию — все это бесконечно далеко от апологии или осуждения, от раздачи моральных или политических оценок.

Человек разноцветнее черно-белого портрета в учебнике, сложнее журнальной статьи и больше монографии.

Самое главное в работе над биографией — понять и объяснить читателю внутреннюю логику поступков героя, даже если эта логика не близка автору. Очень важно научиться слушать своего героя. Разглядеть, какие вопросы для него самые важные во время становления его личности. Очень часто эти вопросы оказываются связаны с травматическим опытом детства и юности и его преодолением.

Важно не подсовывать герою свои смыслы, важно следить, как он сам ищет ответы на эти вопросы. Счастливец среди русских писателей немного: поэтому так важно увидеть, как они выживают в тяжелые времена, за счет чего держатся.

Разглядеть — что они любят, чем дорожат, что ценят, ради чего живут — об этом и рассказывать читателю. Вроде бы все просто на первый взгляд.

¹ Валерий Шубинский — автор еще и биографии Даниила Хармса, вышедшей в издательстве «Вита Нова».

ФИЛОБИБЛОН

Возникновение письменности, рождение и распространение книги, постоянное возвышение ее роли и проникновение в самые жизненно необходимые и заповедные места существования цивилизации вызывают благодарный отклик многих выдающихся людей мира.

Уже в египетских манускриптах, древнекитайских канонах, в Библии, Коране и в русских летописях можно найти возвышенные слова о книге. До нашей эры о книге писали Цицерон и Гораций, в нашей эре — еще греческий философ Лукиан, Иоанн Златоуст, исламский богослов Али ибн аль-Джахм, византийский миссионер Кирилл и русский просветитель Даниил Заточник.

НЕОГРАНИЧЕННОСТЬ ИСТИНЫ

Особое место в этом замечательном ряду принадлежит английскому епископу Ричарду де Бери (1287–1345), написавшему бессмертный трактат «Филобиблон» — первую в европейской литературе работу, специально посвященную книголюбию. В «Филобиблоне», во-первых, содержатся редкие по силе слова о любви к книге, а во-вторых, всесторонне осмысливаются и описываются роль и место книжного феномена в средневековом обществе.

Уже в пространном Прологе содержится признание в «экстатической любви к приобретению книг». Ричард де Бери обращается именно к книге, как будто отвернувшись от многочисленных и непростых проблем человечества! И это не просто дань увлечению, ибо автор уже в названии первой главы формулирует главную мысль: «сокровищница мудрости содержится преимущественно в книгах».

В цветастой риторике, прославляющей «сокровище мудрости и знания» до небес, перед которым «ничтожны драгоценные камни», появляются трезвые и оправданные оценки, весьма точные характеристики различных сторон книжного феномена. «Ты мера и правило нравов, — пишет де Бери о книге. — Ты научаешь царей править и законодателей устанавливать справедливость. Благодаря тебе освобождаются от природной грубости, изощряют ум и язык, искореняют тернии порочности».

Автор указывает на то, что истинное назначение книг — помогать управлять страной, совершенствовать законодательство, воспитывать граждан. В книгах «раскрывается природа вещей, небесных, земных и подземных», в книгах «видны права, на которых основывается всякая гражданственность». Подумать только: семь столетий назад епископ говорит о связи книги с общественной активностью!

Далее он продолжает: «В книгах я встречаюсь с умершими, как с живыми, в книгах я предвижу будущее; в книгах уясняются военные действия; в книгах показан порядок мирного времени». Священник и ученый, де Бери указывает на особо важную миссию книги — сохранение прошлого, всей истории человечества для последующих поколений: «Всю славу мира поглотило бы забвение, если бы Бог не предусмотрел для смертных средства помощи в виде книг; Александр, покоритель света; Юлий, узурпатор Рима и мира, первый под единоличной властью утвердивший империю мечом и словом; верный Фабриций и суровый Катон — все они были бы ныне забыты, если бы их память не поддержали книги».

«Я занят изучением только одной науки — науки самопознания, которая должна меня научить хорошо жить и хорошо умереть».

Мишель Монтень

Масштабность мышления и витиеватость слога де Бери не затмевают суть книги — нести истину о многочисленных и практических преимуществах книги перед другими способами коммуникации. Он отмечает, что, например, сила речи исчезает вместе со звуком. В книге же истина «ищет раскрытия» многократно. Книга доступна зрению — когда ее читают, слуху — когда слушают ее чтение; кроме того, она доступна и осязанию, когда книгу перелисты-

вают, переплетают, исправляют, бережно хранят¹.

Истина, заключенная в уме, облагораживает душу, но, оставаясь никому не сообщенной, она безотраднее, недоступна ни слуху, ни зрению. А вот истина, выраженная книжными письменами, не ограничена однократным звучанием, а навсегда открыта общему обозрению. Вместе с тем книги создают удобство для ученых, чтобы «легко, потаенно, надежно, без стеснения обнажать с их помощью нищету человеческого невежества».

Итак, книги — «это наши учителя, которые наставляют без розог и ферулы, без гнева и окриков, без платы и подарков. Когда ни приходишь к ним, они бодрствуют, если задашь им вопрос, они ничего не скрывают, не ропщут, если ты ошибаешься, не знают насмешек, если ты проявишь невежество».

НАУКА ЖИЗНИ

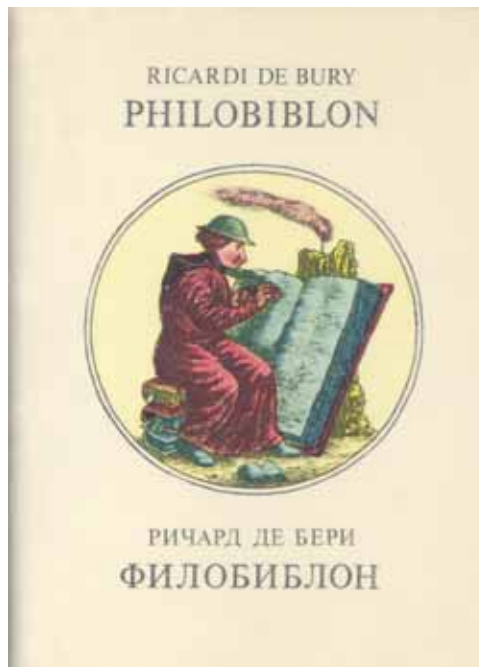
Поразительное многообразие связей, сила воздействия книги на различные стороны общества и человека обусловили пристальное внимание к ней многих — вслед за Ричардом де Бери — видных мыслителей разных эпох.

Каждый, кто любит читать, относится к книгам как к верным друзьям. Например, Франческо Петрарка (1304–1374) говорил: «У меня есть друзья, чье общество мне необычайно дорого; они принадлежат разным векам и разным странам. Они отличились в кабинетах ученых мужей и на полях сражений; они удостоились высших почестей за научные свои познания. Нет ничего проще для меня встретиться с ними, ибо они всегда к нашим услугам: я могу призвать их к себе, отправить прочь, когда только пожелаю. Они никогда не докучливы, но готовы мгновенно ответить на любой вопрос, который я задаю им. Они повествуют мне о делах минувших, другие открывают тайны природы. Одни учат меня тому, как надо жить, другие — тому, как надо умирать. Одни занимательностью своею гонят мою тоску и оживляют мои душевные силы; другие укрепляют мой разум и советуют мне, как обуздать страсти и надеяться только на себя самого. Словом, они отпирают передо мной замки ко всем наукам и ко всем искусствам и благодаря их заботам я готов к любой случайности. За верную свою службу они требуют от меня лишь одного: устроить им удобное жилье где-нибудь в углу скромного моего дома, где бы они пребывали в мире и спокойствии...»

Мишель Монтень (1533–1592) пишет о большой пользе книг, с помощью которых он учится развивать собственные мысли и понятия. Особенно он выделяет произведения Плутарха, Сенеки и Цицерона. Монтень ценит историков, которые больше останавливаются на «намерениях», чем на «происшествиях», больше задерживаются на том, что происходит «внутри», чем на том, что совершается «снаружи». Обращаясь к книгам, Монтень стремится прежде всего познать внутренний мир авторов. Монтень не ищет «никакого другого удовольствия от книг, кроме разумной занимательности, и занят изучением только одной науки, науки самопознания, которая должна меня научить хорошо жить и хорошо умереть». В публикациях «Молодой гвардии» неоднократно цитировалось сходное высказывание Л. Н. Толстого.

Джон Мильтон (1608–1674) в одной из своих речей отмечает банальные представления о книге, которую «нельзя считать неоду-

¹ Интересно, что Умберто Эко в уже современной дискуссии о бумажных и электронных книгах тоже говорит о важности тактильных ощущений.

шевленной вещью». Он ярко пишет о ее «жизненной и плодотворяющей силе»: в книге «сокрыты жизненные силы, способные проявить себя в той мере, в какой эту способность обнаруживает создавший ее гений; нет, больше того, в ней, как в фиале, хранится чистый и крепкий раствор того живого интеллекта, который вскормил ее». В публицистическом восторге Мильтон даже утверждает, что «убить хорошую книгу едва ли не то же, что убить человека». По его мнению, «убивающий человека губит разумное создание», но тот, кто уничтожает хорошую книгу, «губит самый разум».

Уильям Хэзлитт (1778–1830) — классик английской эссеистики, философ, популяризатор творчества Шекспира — отмечает тонкую связь книги с человеком, близость книги нашему внутреннему миру. Книга сопровождает нас всю жизнь, помогает узнать, что происходило с другими людьми и, создавая впечатление, будто это случилось с нами самими, делает в конце концов поразительное открытие. Люди веками мечтали и размышляли о бессмертии, искали способы противостоять губительному, всеразрушающему действию времени, когда «вещи, тела, действия исчезают без следа или превращаются в звук, в бесплотный воздух». Вместе со смертью человека «исчезают не только его дела, но и его добродетели и таланты». И только разум, по мнению Хэзлитта, «бессмертен, и нетленный передается будущим поколениям». Переключаясь в своих «Застольных беседах» с утверждением Монтеня о важности книги для «хорошей жизни и хорошей смерти», Хэзлитт дает свою развернутую формулу: «Книги суть звенья в цепи нашего сознательного бытия. Они связывают воедино все свойства личности каждого из нас. Они служат дорожными указателями в нашем путешествии по жизни».

«Творение разума возникает, но не уничтожается» — такой вывод, рассуждая о книге, делает английский журналист, поэт, драматург Ли Хант (1784–1859). Истощаются шахты, разрушаются города, исчезают с лица земли царства, и человек рыдает от бессильного гнева, зная, что тело его не вечно... Наконец, он обращается к книге: «Но вот маленькое тело мысли, которое лежит передо мной в виде книги, существует тысячи лет; с тех пор как изобретено книгопечатание, ничто на свете, кроме разве всемирного стихийного бедствия, не может его уничтожить». Отталкиваясь от факта бессмертия книги, Ли Хант делает далеко идущее заключение: «Человечество создано книгами, как и жизненными обстоятельствами. Таким оно всегда останется, и это доказывает, что люди по своей природе добры, благородны и способны на всё, к чему призывают книги».

ЗАЛОГ БЕССМЕРТИЯ

Безучастно пройти мимо феномена книги не мог и британский писатель, историк, философ Томас Карлейль (1795–1881). Самое удивительное изобретение человека — это, на его взгляд, изобретение искусства. В книгах — «душа прошлого», в них слышен «глас минувшего», хотя материальная сущность давно исчезла. Карлейль вспоминает, что когда-то существовали могущественные флоты и армии, гавани и арсеналы, большие города с высокими башнями, и всё это было весьма значительно и величественно, но что с ним стало теперь? «Агамемнон, толпы Агамемнонов, Перикл со своей Грецией — всё теперь превратилось в покинутые обломки, печальные неразговорчивые развалины и руины». «Но греческие книги! — восклица-

ет Карлейль. — В них Греция ошутимо жива для всякого мыслящего человека». И он заключает, что «всё, что делало, думало, чего достигло, чем было человечество, чудесным образом сохраняется на страницах книг. Они — особенное достояние людей».

Прекрасно видя важную роль книги в сохранении прошлого человечества, Карлейль пронзительно отмечает «заслуги» книги в современном обществе: «С письменностью, с искусством писания, в конце концов, с книгой — всё преобразуется для людей, все виды деятельности человека: учения, проповеди, образы правления и всё прочее». «Книга — это еще и наш парламент, — утверждает мыслитель. — Печать, необходимая следующая за письменностью, равноценна демократии: с изобретением письменности демократия становится неизбежной». Карлейль поясняет, что всякий, кто может говорить, говорит — благодаря книге — всему народу: отныне человек «имеет власть, оказывается причастен к правительству, приобретает неотъемлемые законодательные и исполнительные права...».

Джон Рескин (1819–1900) — выдающийся писатель, художник, теоретик искусства, взгляды которого изучал и разделял Л. Н. Толстой, — в своих многочисленных публикациях обращает внимание на «прикладные» функции книги. Констатируя, что наша жизнь, к сожалению, коротка, он спрашивает: «Расчислили, измерили ли вы эту короткую жизнь и возможности, которые она представляет? Уверены ли вы в том, что, читая одно, вы не упустите другого, что упущенное нынче удастся наверстать завтра?» Рескин настоятельно советует читать книги, которые написаны для «всякого времени» — великими проповедниками, государственными деятелями, мыслителями... «Если человек, написавший книгу, не умнее вас, то вам незачем ее читать; если же умнее, то он мыслит во многих отношениях иначе, чем вы».

«Книги за год научат нас большему, чем собственный опыт за двадцать лет, вдобавок чтение учит, не причиняя боли, в то время как жизненный опыт делает человека скорее несчастным, чем мудрым».

Джон Леббок

Такое чтение поможет уплотнить и преодолеть ограничения короткой жизни!

Эту заповедь подхватывает археолог, этнограф, писатель, культуролог Джон Леббок (1834–1913), написавший новеллу «Гимн книгам»: «Книги за год научат нас большему, чем собственный опыт за двадцать лет, вдобавок чтение учит, не причиняя боли, в то время как жизненный опыт делает человека скорее несчастным, чем мудрым». Из всех великих достижений последнего столетия Леббок ставит на первое место «свободный доступ к книгам» и замечает, что чтение — это беседа с людьми, гораздо более мудрыми и интересными, чем те, с которыми нас сводит случай. Он не проходит мимо вечной темы жизни и бессмертия: «Общество книг обычно сравнивают с обществом друзей. Но из дружеского круга неумолимая смерть то и дело вырывает самых лучших и самых талантливых. С книгами — всё наоборот: река забвения уносит легковесные и недостойные, но не прикасается к лучшим из них».

Чтение подобных афоризмов, возраст которых порой превышает несколько столетий и которые дошли до нас именно благодаря книге, является непререкаемым свидетельством ее бессмертия. Все приведенные выше цитаты всецело отвергают бытовое представление о книге как всего лишь об одной из тысяч полезных вещей, которые окружают человека и легко заменяются другими простейшими предметами в случае необходимости. Книга предстает глобальным явлением, охватывающим тысячелетия цивилизации, пронизывающим все информационно-интеллектуальные связи, обеспечивающим сохранение и постоянное развитие совокупного разума человечества, бережное фиксирование прошлого, влияние на судьбы миллиардов современников и подготовку будущего существования на Земле.

Слева направо: автор книги «Геннадий Зюганов» Анатолий Житнухин, лидер КПРФ Геннадий Зюганов и генеральный директор ОАО «Молодая гвардия» Валентин Юркин

ВЫБОР ПУТИ

11 июня в пресс-центре ИТАР-ТАСС состоялась презентация книги «Геннадий Зюганов», вышедшей в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...». В новом — переработанном и дополненном — издании книги отражены такие крупнейшие события последних лет, как мировой финансово-экономический кризис и государственный переворот на Украине, серьезно повлиявшие на характер общественно-политической атмосферы в России. На фоне резко изменившейся обстановки в стране и мире ярче высветились качества Г. А. Зюганова как политического лидера, руководителя крупнейшей партии.

В презентации, которую освещали десятки ведущих СМИ, приняли участие автор книги Анатолий Петрович Житнухин, генеральный директор ОАО «Молодая гвардия» Валентин Федорович Юркин, за-

меститель председателя ЦК КПРФ Дмитрий Георгиевич Новиков и, конечно же, сам герой книги Геннадий Андреевич Зюганов.

Анатолий Житнухин отметил, что, приступая к работе над кни-

гой, он, как, наверное, любой уважающий себя автор, отталкивался прежде всего от идеи. Какова же эта идея?

— Сначала мне хотелось изложить свое видение идеи социальной справедливости. Затем я пришел к мысли написать книгу о лидере КПРФ, благодаря которому партию не растащили по кускам и который много сделал для сохранения этой идеи в эпоху антикоммунистической истерии. Карьере Зюганова многократно предрекали полный крах, но пророчества не сбывались, а сами их авторы один за другим уходили в политическое небытие. Феномен политической непопулярности Зюганова — яркое свидетельство того, что как человек и политик он стоит на ногах очень твердо.

Дмитрий Новиков обратил внимание, что читатель, который берет в руки биографическое повествование, в первую очередь хочет проследить основные этапы жизненного пути героя. Но при этом ему важно не просто последовательное из-

ложение хода событий, а исследование героя, его взглядов на мир, изучение связей между мыслями и поступками, между событиями, раздельными порой даже не годами, а десятилетиями. Заслугой представляемой книги, по мнению Новикова, стало как раз то, что она отвечает на вопросы, какими принципами руководствуется герой, как и когда эти принципы сформировались, в чем особенность и неповторимость личности героя и, наконец, благодаря чему эта личность останется в истории.

Валентин Юркин сделал акцент на личном мужестве Геннадия Зюганова и подчеркнул, что на плечах именно таких людей лежат все глобальные общественно-политические тяготы нашего времени.

Геннадий Зюганов поблагодарил «Молодую гвардию» и признался, что стать героем серии «ЖЗЛ» было для него одновременно большой честью и громадной ответственностью:

— У меня дома собрано около двухсот работ, посвященных мне и партии. Я предложил Анатолию Петровичу ознакомиться со всеми важнейшими материалами, посвященными наиболее острым проблемам современности — от отчетов о ходе выборных кампаний до оценки ситуации в горячих точках, в которых я побывал. Анатолий Петрович сделал это со всей добросовестностью и профессионализмом, выдвинув мне встречное требование. Он попросил выделить ему два часа каждую неделю, чтобы он мог спокойно задать мне полсотни вопросов и услышать на них прямые, откровенные ответы. Все будние дни у меня заняты, в субботу — семинары, митинги, встречи... Оставалось только воскресенье, а ведь у меня еще домашнее хозяйство, восемь внуков... Мне нужно было урезать весь свой личный график, но я согласился!

Беседы с Житнухиным продолжались ни много ни мало 15 месяцев — почти каждое воскресенье, иногда чуть реже. Долгая и кропотливая работа не прошла даром. С учетом первого издания тираж книги составляет уже 18 тысяч экземпляров и по нынешним временам является огромным! Это говорит, во-первых, о неугасаемом интересе к герою биографического исследования,

НА ЗАМЕТКУ

Анатолий Житнухин — историк и публицист, основной круг профессиональных интересов — политическая и биографическая литература. Работал директором издательства «Соратник», публиковался в центральной печати по проблемам войны в Афганистане, где провел несколько лет, и вопросам современной политики. Автор нескольких биографических исследований, изданных в сериях «ЖЗЛ» и «ЖЗЛ: Биография продолжается...».

его востребованности как политика, доверия со стороны народа, который связывает с ним свои надежды на лучшее будущее. Во-вторых, свидетельствует о качестве текста: книга написана прекрасным языком, и если начать читать ее, то оторваться уже невозможно.

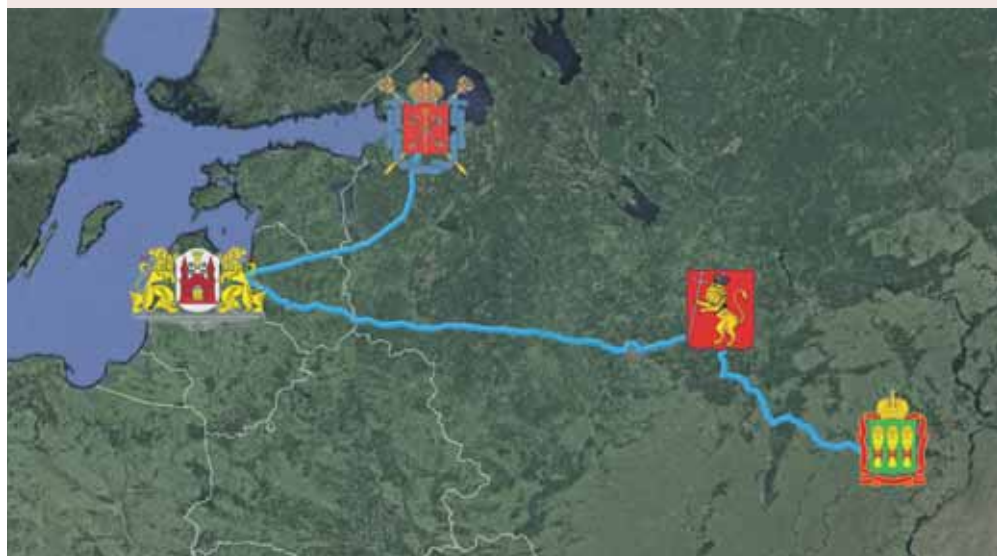
Особое внимание в биографии уделено детству героя. И это не случайно, так как на характер Зюганова оказали влияние, во-первых, Великая Отечественная война (через отца, через Орловщину, «нашпигованную смертоносным металлом» и покрытую остовами подбитых танков) и, во-вторых, сельское воспитание, направленное не на отвлеченную интеллектуальность, а на стремление упростить труд и быт людей (отсюда — зюгановский интерес к разработке новой формы печи, к использованию новых культур в садоводстве). Все знающие Зюганова близко могут подтвердить, что он — человек невероятной трудоспособности и трудолюбия.

Сочетание интереса к гуманитарным и точным наукам определило такие качества Зюганова, как логичность и убедительность, о чем свидетельствуют не только его сторонники, но и противники.

Одна из глав книги называется «Выбор», и в этом слове заключена, пожалуй, ее суть.

— Сейчас мы находимся на перепутье, как былинный Илья Муромец. Нельзя ошибиться, нужно очень точно выбирать дорогу и попутчиков, — резюмировал лидер коммунистов.

МАРШРУТЫ «ЖЗЛ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С 23 по 26 мая «Молодая гвардия» принимала участие в IX Санкт-Петербургском международном книжном салоне, который на этот раз впервые за много лет проходил в Михайловском манеже — в самом центре города. Несмотря на небывало жаркую погоду, выставка, как всегда, привлекла к себе большое внимание книголюбов.

На стенде «Молодой гвардии» читатели имели возможность приобрести книги любимых серий — «ЖЗЛ» и «Повседневная жизнь» — по доступной цене и выяснить ближайшие планы издательства. Кроме того, стенд посетили многие наши авторы, с которыми велись переговоры о новых издательских проектах.

РИГА

С 24 мая по 6 июня в Латвии проходили Дни русской культуры. Участником этой масштабной серии мероприятий, которая возрождает традиции, существовавшие в 1925–1940 годах, стала «Молодая гвардия».

В Доме Москвы в Риге была организована выставка молодоговардейских книг, вызвавшая большой интерес у жителей города и освещенная в местных СМИ, а также презентована книга мемуаров Василия Макаровича Кононова (1923–2011) «Три моих войны».

5 июня заместитель директора издательства Роман Косыгин и руководитель проектов Сергей Коростелев приняли участие в программе «Прямая речь», которая выходит на радио «Baltkom».

ВЛАДИМИР

Книга Алексея Карпова «Андрей Боголюбский» прошла традиционным Крестным ходом под названием «Единая вера — единая история — единый народ» (25 июня — 3 июля) по святыням Курской, Белгородской и Владимирской земель. В этом году мероприятие было посвящено 840-летию трагической гибели Андрея Боголюбского и 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. Крестный ход был организован Фондом содействия возрождению православных духовно-нравственных ценностей и традиций имени Святого Благоверного великого князя Андрея Боголюбского.

Книга Карпова вызвала огромный интерес. Биография изучалась на конференции в Николо-Угрешской духовной семинарии. Кроме того, доклады о роли Андрея Боголюбского и Владимирской Руси в становлении Российского государства были зачитаны на заключительной конференции во Владимире. Все выступавшие подчеркивали судьбоносность решения Боголюбского отказаться от киевского престола и уйти от бесконечных княжеских усобиц в родную Владимиро-Суздальскую землю. Именно там, в глухом залесенном краю он завершил строительство княжества другого типа, с единой сильной властью. Об этом, высоко оценив достоинства книги «Андрей Боголюбский», говорила, в частности, президент фонда Ольга Алексеевна Тюрина.

По итогам конференции были вынесены предложения о включении книги «Андрей Боголюбский» в программу военно-патриотического воспитания в кадетских, нахимовских и суворовских училищах, а также о внесении биографии в школьные программы по истории. 1 сентября во всех школах Владимирской области прошел день памяти Андрея Боголюбского — храброго воина, мудрого миротворца, неустанного строителя Владимиро-Суздальской земли.

ПЕНЗА

5 июля в музее-заповеднике «Тарханы» в Пензенской области была презентована книга серии «ЖЗЛ» «Лермонтов: Один меж небом и землей», а ее автор Валерий Михайлов стал лауреатом 43-го Всероссийского Лермонтовского праздника поэзии, посвященного 200-летию со дня рождения поэта.

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ

на стенде издательства «Молодая гвардия» на 27-й ММКВЯ (3–7 сентября 2014 года)

3 сентября, среда

13.00 – 13.30 **И. И. Цыбульский** «Николай Рыжков»
13.30 – 14.00 **А. П. Житнухин** «Геннадий Зюганов»
15.00 – 15.45 **А. П. Житнухин** «Леонид Шебаршин»
16.00 – 16.45 **В. Б. Муравьев** «Карамзин»

4 сентября, четверг

Цикл презентаций «XX век»
12.00 – 12.45 **В. С. Березин** «Виктор Шкловский»
13.00 – 13.45 **В. Н. Дмитриевский** «Шалапин»
14.00 – 14.45 **В. И. Галедин** «Лев Яшин»
15.00 – 15.45 **С. Е. Михеенков** «Лидия Русланова», «Конец»
16.00 – 16.45 **Н. М. Долгополов** «Вартанян»

5 сентября, пятница

Цикл презентаций «Русская история»
12.00 – 12.45 **В. В. Бондаренко** «Герои Первой мировой»
13.00 – 13.45 **Н. С. Борисов** «Дмитрий Донской», «Сергий Радонежский»
14.00 – 14.45 **Л. М. Млечин** «Фрунзе»
15.00 – 15.45 **Ю. З. Кантор** «Тухачевский»
16.00 – 16.45 **С. А. Экштут** «Юрий Трифонов»

6 сентября, суббота

Цикл презентаций «Поэтическая Россия»
12.00 – 12.45 Трехтомник «Поэтическая Россия» (Н. Н. Скатов «Пушкин»; **В. Ф. Михайлов** «Лермонтов»; В. В. Кожин «Тютчев»)

13.00 – 13.45 **В. И. Новиков** «Пушкин»
14.00 – 14.45 **В. В. Бондаренко** «Вяземский»
15.00 – 15.45 **И. З. Фаликов** «Евтушенко»
16.00 – 16.45 **С. С. Куняев** «Николай Клюев»

7 сентября, воскресенье

12.00 – 12.45 **О. А. Еремина, Н. Н. Смирнов** «Иван Ефремов»
13.00 – 13.45 **Е. В. Глаголева** «Повседневная жизнь европейских студентов»
14.00 – 14.45 **О. И. Елисеева** «Повседневная жизнь русских литературных героев»
15.00 – 15.45 **Н. Г. Бодрихин** «Челомей»
16.00 – 16.45 **С. Р. Федякин** «Рахманинов»

ВЕСТИ С КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

«ЗА МУЗЕЙНОЕ СЛУЖЕНИЕ»

26 мая – в день рождения Александра Сергеевича Пушкина – состоялась 10-я юбилейная церемония вручения Новой Пушкинской премии. Доктору филологических наук, действительному члену Российской академии образования, заместителю директора Государственного музея имени А. С. Пушкина по научной работе Наталье Михайловой был вручен специальный диплом «За музейное служение». Напомним, что в январе этого года Наталья Ивановна – автор вышедшей в серии «ЖЗЛ» книги «Василий Львович Пушкин» – была удостоена литературной премии имени Александра Блока.

КСЕНИЯ БУКША – ЛАУРЕАТ «НАЦБЕСТА»

Известная петербургская писательница Ксения Букша стала обладателем престижной литературной премии «Национальный бестселлер» за роман «Завод “Свобода”». В прошлом году в Малой серии «ЖЗЛ» вышла ее книга «Малевиц», а сейчас Ксения Сергеевна работает над новой биографией.

«БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД»

ПОБОРЕТСЯ ЗА ПРЕМИЮ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»

Книга Сергея Викторовича Ярова «Повседневная жизнь блокадного Ленинграда» вошла в длинный список премии «Просветитель». 25 сентября будет объявлен короткий список, а 20 ноября состоится торжественная церемония награждения лауреатов. В ее преддверии пройдет праздник науки и научно-популярной литературы «День Просветителя».

10-Й КОНКУРСНЫЙ ГОД «АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

В этом году всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» отмечает 10-летний юбилей. В 2004 году на премию можно было подавать только биографические работы, но вскоре ее рамки существенно расширились. В 2008 году в структуру премии вошел конкурс музейных проектов. Победители юбилейного года будут определены в сентябре.

НА «КУЛИКОВОМ ПОЛЕ»

В начале июля было объявлено о создании новой литературной премии «Куликово Поле», призванной, по словам организаторов, поддерживать и продолжить традицию патриотизма и гражданственности среди русскоязычных авторов. Премия посвящена памяти поэта Вадима Негатурова, ставшего жертвой пожара в Доме профсоюзов в Одессе 2 мая 2014 года.

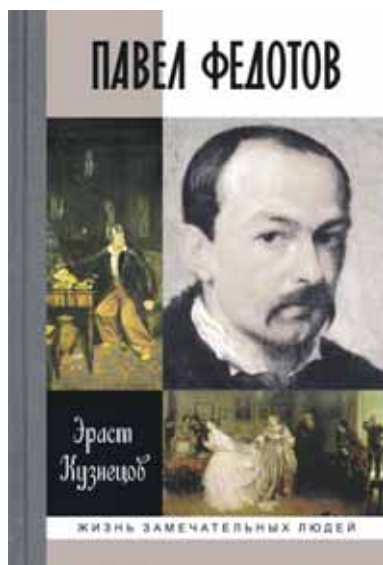
Членами жюри стали главный редактор издательства «Молодая гвардия» Андрей Витальевич Петров и автор серии «ЖЗЛ» Александр Юрьевич Сегень («Филарет Московский», 2011). В этом году конкурс проводится по трем номинациям: 1) поэзия; 2) малая проза; 3) эссеистика/публицистика. Срок окончания подачи материалов истек 1 сентября.

Члены жюри премии «Куликово Поле», слева направо: главный редактор журнала «Русский репортер» Виталий Лейбин, писатель и главный редактор портала «Свободная пресса» Сергей Шаргунов и главный редактор издательства «Молодая гвардия» Андрей Петров

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Для удобства формирования вашей книжной полки мы публикуем хронологический список книг, вышедших в издательстве «Молодая гвардия» в мае–августе 2014 года в рамках серий «ЖЗЛ», «ЖЗЛ: Малая серия», «ЖЗЛ: Биография продолжается...» и «Живая история: Повседневная жизнь человечества»:

Карамзин / Владимир Муравьев. – 479[1] с.: ил. – Вып. 1481.
Андрей Рублев / Валерий Сергеев. – 252[4] с.: ил. – Вып. 1482.
Павел Федотов / Эраст Кузнецов. – 313[7] с.: ил. – Вып. 1473.
Фрунзе / Леонид Млечин. – 267[5] с.: ил. – Вып. 1483.
Челомей / Николай Бодрихин. – 490[6] с.: ил. – Вып. 1476.
Гарсиа Лорка / Альбер Бенсуссан. – 392[8] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 57.
Крылов / Екатерина Цимбаева. – 333[3] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 63.
Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII – первая треть XIX века / Ольга Елисеева. – 399[1] с.: ил.
Геннадий Зюганов / Анатолий

Житнухин. – 2-е изд., перераб. и доп. – 348[4] с.: ил. – ЖЗЛ: Биография продолжается... – Вып. 26.
Гарсиа Маркес / Сергей Марков. – 479[1] с.: ил. – Вып. 1484.
Никола Тесла / Евгений Матонин. – 380[4] с.: ил. – Вып. 1486.
Брэдбери / Геннадий Пращкевич. – 351[1] с.: ил. – Вып. 1485.
Василевский / Николай Великанов. – 461[3] с.: ил. – Вып. 1477.
Казанова / Елена Морозова. – 350[2] с.: ил. – 2-е изд. – Вып. 1467.
Платон: Миф и реальность / Алексей Лосев, Аза Тахо-Годи. – 312[8] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 61.
Аристотель: В поисках смысла / Алексей Лосев, Аза Тахо-Годи. – 296[8] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 62.

Столыпин / Святослав Рыбас. – 5-е изд. – 421[11] с.: ил. – Вып. 1487.
Василий Шульгин: Судьба русского националиста / Святослав Рыбас. – 543[1] с.: ил. – Вып. 1478.
Федор Сологуб / Мария Савельева. – 246[10] с.: ил. – Вып. 1489.
Микеланджело / Александр Махов. – 598[10] с.: ил. – Вып. 1488.
Александр I: Самодержавный республиканец / Леонид Ляшенко. – 347[5] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 67.
Рахманинов / Сергей Федякин. – 478[2] с.: ил. – Вып. 1491.
Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству / Вячеслав Козляков. – 318 [2] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 66.
Николай Рыжков / Игорь Цыбульский. – 287[1] с.: ил. – ЖЗЛ:

Биография продолжается... – Вып. 27.
Тухачевский / Юлия Кантор. – 443[5] с.: ил. – Вып. 1492.
Николай Клюев / Сергей Куняев. – 647 [9] с.: ил. – Вып. 1490.
Виктор Муравленко / Александр Трапезников. – 2-е изд., доп. – 362[6] с.: ил. – Вып. 1493.
Юрий Трифонов: Великая сила недосказанного / Семен Экштут. – 398[2] с.: ил. – ЖЗЛ: Малая серия. – Вып. 68.
Повседневная жизнь старообрядцев / Кирилл Кожурин. – 555[5] с.: ил.
Лев Яшин / Владимир Галедин. – 2-е изд. – 301[3] с.: ил. – Вып. 1494.
Солоневич / Константин Сапожников. – 453[11] с.: ил. – Вып. 1464.

Над номером работали:
Л. Барыкина, В. Иванов, С. Коростелев, Р. Косыгин,
Г. Петров, В. Эрлихман, В. Юркин
Дизайн и верстка Д. Карпов
Корректоры Т. Маляренко, Г. Платова

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцневская, 21
Издательство: 8 (495) 787-63-85 <http://gvardiya.ru>
Отдел реализации: 8 (495) 787-64-20; 8 (495) 787-62-92
Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87; 8 (495) 787-63-57
Интернет-магазин: <http://gvardiya.ru/shop/>;
<http://www.facebook.com/gvardiya.admin>; 8 (495) 787-95-59